

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL

ПАРИЖ

VI. — NOVEMBRE-DECEMBRE 1951

«LE MESSAGE», périodique de l'Action Chrétienne

des Etudiants Russes

paraît six fois par an

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. С Новым Годом! С праздником Рождества Христова!	1
2. Праздник Богоявления — Св. Иоанн Златоуст	1
3. Литургия верных (продолжение). — Свящ. А. Шмеман	6
4. Смысл и оправдание кружков РСХД. — Прот. С. Булгаков	13
5. Женское паломничество к первохристианским святыням Рима. — В. Зандер	16
6. Англо-русский съезд в Биевре. — З.	21
7. Встреча в Марбурге. — Л. А. Зандер	23
8. Миссионерские поездки. —	28
9. Содержание Вестника за три последние года.	29

Журнал выходит 1 раз в два месяца.

Цена отдельного номера: 75 фр.

Адрес редакции:

Monsieur I. Morosov, 91 rue Olivier de Serres, Paris 15 (France).

Всю переписку, касающуюся «Вестника» — подписки, перемены адреса и денежные переводы просим направлять по адресу:
Monsieur I. Morosov, 91 rue Olivier de Serres, Paris 15 (France).

Денежные переводы можно также посылать на почт. текущий счет:
Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91 rue Olivier de Serres,
Paris, C. C. P., Paris 2441-04.

Издание Р. С. Х. Движения за Рубежом.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

С НОВЫМ ГОДОМ!

С ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА!

Поздравляем наших читателей с Новым Годом и особенно с великим праздником Рождества Христова. Да даст всем нам Господь достойно встретить и провести праздник и да принесет Новый Год миру и всем нам успокоение от внешних забот и страхов!

Церковь зовет нас в эти дни «Славить Христа» («Христос рождается, славите»), т. е. помогать всем, кто потерял веру во Христа или и не имел ее никогда, воспринять Христово благовестие. Великая тайна Боговоплощения несет в себе радость и свободу, — радость о том, что «нас бо ради родился Отроча Младое», и свободу от плена миру. Но сколько людей, даже христиан, не радуются о Господе, не чувствуют освобождения в Нем! Придем же к ним всем с радостной вестью о Боговоплощении, с великим благовестием, несущим нам жизнь и свободу!

Христос рождается, славите!

ПРАЗДНИК БОГОЯВЛЕНИЯ

Многие празднуют праздники и с названиями их знакомы, но поводов, по которым они установлены, не знают. Так, о том, что настоящий праздник называется Богоявлением, всем известно; а какое это Богоявление, и одно ли оно или два, этого еще не знают; между тем крайне стыдно и весьма смешно — каждый год празднуя этот праздник, не знать повода, по которому он установлен. Посему прежде всего необходимо сказать вам, что не одно Богоявление, но два: одно настоящее, которое уже произошло, а

другое — будущее, которое произойдет со славою при кончине мира. О том и другом вы слышали сегодня от Павла, который, беседуя с Титом, говорит так о настоящем: «ибо явилась благодать Божия спасительная для всех человеков; научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в настоящем веке», а о будущем: «ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (Тит. II, 11—13). И пророк об этом последнем сказал так: «солнце обратится в тьму и луна в кровь пред тем, как наступит день Господень великий и страшный» (Иоил. III, 4). Почему же Богоявлением называется не тот день, в который Он родился, а тот, в который Он крестился? Настоящий день есть тот самый, в который Он крестился и освятил естество вод. Посему в этот праздник в полночь все, почерпнув воды, приносят ее домой и хранят во весь год, так как сегодня освящены воды; и происходит явное знамение: эта вода в существе своем не портится от продолжительности времени, но, почерпнутая сегодня, она целый год, а часто два и три года остается неповрежденною и свежою, и после столь долгого времени не уступает водам, только что взятым из источников. Почему же этот день называется Богоявлением? Потому, что Христос сделался известным для всех не тогда, когда Он родился, но когда Он крестился; до этого дня Он не был известен народу. А что народ не знал Его и не разумел, кто Он был, об этом послушай Иоанна Крестителя, который говорит: «и стоит среди вас некто, Которого вы не знаете» (Иоан. 1, 26). И удивительно ли, что другие не знали Его, когда и сам Креститель не знал Его до того дня? «И я, говорит он, не знал его; но пославший меня крестить в воде сказал мне: на кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на нем; Тот есть крестящийся Духом Святым» (Иоан. 1, 33) Отсюда видно, что два Богоявления; а почему Христос приходит на крещение, об этом необходимо сказать, а также и о том, на какое Он приходит крещение, — и то и другое необходимо знать. И наперед надобно сказать вам о последнем, так как из этого мы узнаем и первое. Было крещение иудейское, которое очищало телесные нечистоты, но не грехи совести. Так, кто совершал прелюбодеяние, или кто решался на воровство, или кто сделал какое-нибудь другое беззаконие, того оно не освобождало от вины. Но кто касался костей умершего, кто вкушал пищу, запрещенную законом, кто приходил из места заразы, кто обращался с прокаженными, тот омывался, и до вечера был нечист, а потом очищался. «Да омоет тело свое водою чистою», говорится в Писании, «и нечист будет до вечера, и чист будет» (Левит. XV, 5 XXII, 7). Это не были в самом деле грехи или нечистоты, но так как иудеи

были несовершенны, то Бог, делая их чрез это более благочестивыми, с самого начала приготавливал их к точнейшему соблюдению важнейшего.

Итак, иудейское очищение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, потому что освобождает от грехов, очищает душу и подает дар Духа. И крещение Иоанново было гораздо выше иудейского, но ниже нашего; оно было как бы мостом между обоими крещениями, ведущим чрез себя от первого к последнему, так как понуждало иудеев не к соблюдению телесных очищений, но вместо таковых увещевало и советовало переходить от порока к добродетели и надежду спасения полагать в совершении добрых дел, а не в разных омовениях и очищениях водою. Иоанн не говорил: вымой одежду твою, омой тело твое, и будешь чист; но что? «Принесите плод достойный покаяния» (Мф. III, 8). Потому именно оно было выше иудейского, но ниже нашего, что крещение Иоанново не сообщало Духа Святого и не доставляло благодатного прощения; оно повелевало каяться, но не было властно отпускать грехи. По этому Иоанн и говорил: «Я крещу вас в воде для покаяния. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. III, 11). Очевидно, что Он не крестил Духом. Что же значит: «Духом Святым и огнем»? Вспомни тот день, в который апостолам «явились разделяющие языки, как бы огненные, и ниспустились на каждого из них» (Деян. II, 3). А что крещение Иоанново было несовершенно, не сообщало Духа и отпущения грехов, видно из следующего: Павел, «найдя в Ефесе некоторых учеников, спросил их: приняли вы Духа Святого по уверовании?» Они же отвечали ему: «мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что-же вы крестились? Они же отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния» — покаяния, не отпущения грехов; для чего же Он крестил? «Людем, проповедуя, чтобы веровали в грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав сие, они крестились во имя Господа Иисуса. И по возложении рук на них Павлом, нисшел на них Дух Святой» (Деян. XIX, 1—6). Видишь ли, как несовершенно было крещение Иоанново? Если бы оно не было несовершенно, то Павел не крестил бы их снова, не возлагал бы на них рук; исполнив же то и другое, он показал превосходство апостольского крещения, и то, что крещение Иоанново гораздо ниже его. Но из этого мы узнали различие крещений; теперь необходимо сказать, для чего Христос крестился и каким крещением. Ни прежним — иудейским, ни последующим — нашим, потому что Он не имел нужды в отпущении грехов; да и как может нуждаться в этом Тот, Кто не имеет

никакого греха? «Греха», говорится в Писании, Он «не сотворил, и лести не было в устах Его» (1 Петр. II, 22); и еще: «кто из вас обличит Меня во грехе?» (Иоан. VIII, 46). И Духу не была непричастна плоть Его; да и как могло быть иначе, когда она вначале была произведена Духом Святым? Итак, если и плоть Его не была непричастна Духу Святому, и Он не был подвержен грехам, то для чего Он крестился? Но прежде нам нужно узнать, каким Он крестился крещением, тогда и то будет ясным для нас. Каким же крещением Он крестился? Не иудейским, и не нашим, но Иоанновым. Для чего? Для того, чтобы ты из самого свойства крещения познал, что Он крестился не по причине греха и не потому что имел нужду в даре Духа; как мы показали, это крещение было чуждо того и другого. Отсюда видно, что Он приходил на Иордан не для отпущения грехов, и не для получения дара Духа. Но чтобы кто-нибудь из присутствующих тогда не подумал, что Он приходил для покаяния, подобно прочим, послушай, как Иоанн предупредил и это. Тогда как другим он говорил: «принесите плод достойный покаяния», послушай, что он говорит Ему: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» (Мф. III, 8. 14). Этими словами он показал, что Христос приходил к нему не по той же нужде, по которой приходил народ, и что Он тем более далек был от нужды — креститься по той же причине, что был гораздо выше и несравненно чище и самого Крестителя. Для чего же Он крестился, если сделал это ни для покаяния, ни для отпущения грехов, ни для получения дара Духа? По другим двум причинам, из которых об одной говорит ученик, а о другой Он Сам сказал Иоанну. Итак, какую же причину этого крещения высказал Иоанн? Ту, чтобы Христос стал известным народу, как и Павел говорил: «Иоанн крестил крещением покаяния, чтобы веровали во грядущего по нем» (Деян. XIX, 4); это было завершением крещения. Если бы обходить жилище каждого и, подойдя к дверям, вызывать на улицу и, держа Христа, говорить: это есть Сын Божий, то это делало бы свидетельство подозрительным и было бы весьма затруднительно; также, если бы, взяв Христа, войти в синагогу и показать Его, то и это самое опять делало бы свидетельство подозрительным; но когда весь народ стекся из всех городов к Иордану и пребывал на берегах реки, то уже то обстоятельство, что и Сам Он пришел креститься и получил удостоверение свыше голосом Отца и наитием Духа в виде голубя, делало свидетельство о Нем Иоанна несомненным. Поэтому он и говорит: «И я не знал Его», представляя свидетельство свое достоверным (Иоан. I, 31), так как они были по плоти родственниками между собою («се Елизавета, родственница твоя, и она зачала сына», говорил ангел Марии о матери Иоанна (Лук. 1, 36);

если же матери были в родстве, то, очевидно, и дети). Итак, поелику они были родственниками, то, дабы не показалось, будто Иоанн свидетельствует о Христе по родству, благодать Духа устроила так, что Иоанн провел весь ранний свой возраст в пустыне, дабы не показалось, будто свидетельство высказывается по дружбе или по какому-нибудь подобному предвзятому основанию; но Иоанн, как был научен от Бога, так и возвестил о Нем. Вот он и говорит: «и я не знал Его». Откуда же ты узнал? «Пославший меня крестить водою, Он сказал мне». Что Он сказал тебе? «На кого увидишь Духа, сходящего и пребывающего на нем, Тот есть крестящийся Духом Святым» (Иоан. I, 33). Видишь ли, что Дух Святой снисшел не так, как в первый раз тогда нисшел на Него, но дабы показать проповеданного, наитием Своим, как бы перстом, указуя Его всем? По этой причине Он пришел на крещение. Была и другая причина, о которой Он Сам говорит; какакая же именно? Когда Иоанн сказал: «Мне надобно креститься от Тебя и Ты ли приходишь ко Мне?» — то Он отвечал: «оставь ныне; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Матф. III, 14, 15). Видишь ли благоразумие раба? Видишь ли смирение Владыки? Что же значит: «исполнить всякую правду»? Правдою называется исполнение всех заповедей, как говорится: «оба они были праведны, исполняя заповеди Господни беспорочно» (Лук. 1, 6). Так как исполнять эту правду должны были все люди, но никто из них не соблюл и не исполнил ее, то Христос, приходя, исполняет эту правду.

А какая, скажет кто-нибудь, правда в том, чтобы креститься? Повиновение пророку было правдою. Как Христос обрезался, принес жертву, хранил субботы и соблюдал иудейские праздники, так присоединил и это остальное — повиновался крестившему пророку. Воля Божия была, чтобы тогда все крестились, о чем, послушай, как говорит Иоанн: «пославший меня крестить водою» (Иоанн. I, 33); также и Христос: «мытари и люди воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; фарисеи же и законники отвергли волю Божию о себе, не крестясь от него» (Лук. VII, 29, 30). Итак, если повиновение Богу составляет правду, а Бог послал Иоанна, чтобы крестить народ, то Христос со всем другим, что требуется законом, исполнил и это. Представь себе, что заповеди закона суть двести динариев; этот долг должен был уплатить род наш; но мы не уплатили, и нас, подпавших такой вине, объяла смерть. Христос, пришедши и найдя нас одержимыми ею, уплатил этот долг, исполнил должное и исхитил от ней тех, которые не могли уплатить. Посему Он не сказал: нам должно сделать то и то, но: «исполнить всякую правду». Мне, Владыке имеющему, говорит Он, надлежит уплатить за неимеющих. Такова причина

Его крещения, чтобы видели, что Он исполнил весь закон; и эта причина, и та, о которой сказано прежде. Поэтому и Дух нисшел в виде голубя: где примирение с Богом, там и голубь. Так и в ковчег Ноев голубь принес масличную ветвь — знак человеколюбия Божия и прекращения бедствия; и теперь в виде голубя, а не в телесном виде (это особенно должно заметить), нисходит Дух, возвещая вселенной милость Божию и вместе показывая, что духовный человек должен быть незлобив, прост и невинен, как и Христос говорит: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное» (Мф. XVIII, 3). Но тот ковчег, по прекращении бедствия, остался на земле; а этот ковчег, по прекращении гнева, взят на небо, и ныне это непорочное и нетленное тело находится одесную Отца.

Св. Иоанн Златоуст. (Из проповеди, произнесенной в день Богоявления, в Антиохии в 387 г.).

ЛИТУРГИЯ ВЕРНЫХ

(продолжение) 1)

4. Целование мира.

Приветствуйте друг друга целованием святым. (1 Кор. 16, 20) 2)

В современном литургическом чине слова «Возлюбим друг друга...» занимают так мало времени, что мы почти не имеем возможности сосредоточить на нем внимание. Для нас теперь это только один из возгласов, предшествующих чтению Символа Веры 3). Но не так было раньше. Из литургических памятников древ-

1) Начало см. в «Вестнике РСХД» за 1949 г. (№ 11-12), 1950 (№ 1, 4-5, 6), 1951 (№ 1). В объяснении Литургии верных пропущен § 3 — «Да помянет вас Господь Бог...» (о смысле литургического поминовения), который мы надеемся напечатать позже.

2) Это выражение дословно повторяется в Рим. 16, 16; Кор. 13, 12; I Фес. 5, 26; с маленькой разницей в I Петр. 5, 26. — «les termes sont tellement semblables — пишет F. Cabrol -- qu'il semble que ce soit une formule rituelle» («Baiser de Paix» в Dict. d'Arch. Chrétienne et de Liturgie, II, col. 118).

3) В современной литургии этот возглас даже синтаксически есть как бы введение в Символ Веры. Между тем чтение Символа Веры на Литургии установлено только в V в., тогда как «целование мира» восходит к самому раннему ядру евхаристического чина. См. следующий § 5 — «Исповедание веры».

ней Церкви 4) мы узнаем, что после этого возгласа действительно совершалось **целование мира**, в котором участвовала вся церковь. «Когда наступает время преподания взаимного принятия мира—говорит св. Иоанн Златоуст—мы все друг друга лобызаем» 5). И «приветствуют клирики епископа, миряне — мужчины мужчин, женщины - женщин». Такое целование до сих пор сохранилось в литургической практике Несториан, Коптов, Армян, практике, не подвергшейся поздне-византийским влияниям и потому часто отражающей более раннюю форму евхаристического священнодействия 7). Обряд этот вообще составлял важную и неотъемлемую часть христианского богослужения с первых дней существования Церкви 8). Так, после миропомзания новокрещенного члена Церкви епископ давал ему целование мира со словами «Господь с Тобой» 9). При посвящении нового епископа все собрание — клирики и миряне — также приветствовали его целованием, после чего он в первый раз возглавлял евхаристическое приношение своей Церкви 10).

Таким образом, из истории этого момента литургии видно, что он претерпел постепенно существенное изменение: из **действия** и, притом, действия общего, он превратился в **возглас**. А в связи с этой переменной изменилось несколько и содержание призыва, заключенного в этом возгласе. Современный возглас — «возлюбим друг друга...» есть призыв к определенному **состоянию**, в древнейших же его формах он неизменно призывает к определенному **действию**: «приветствуйте друг друга...». Кое где это действие не имеет даже специального возгласа, а непосредственно вслед за преподанием мира следует указание на совершающееся в этот момент **целование мира** 11). Очевидно, как это не

4) Много указаний и свидетельств Отцов собрано в указанной работе F. Cabrol.

5) Св. **Иоанн Злат.** Беседа 18 на I Кор. Твор. в рус. пер. Спб. 1904, т. X, I, 632-33.

6) Литургия Апостольских Постановлений. См. Brightman' Liturgies Eastern and Western, p. 13.

7) См. Brightman, цит. соч. стр. 585.

8) J. H. Strawley. The Early History of the Liturgy, 1949, pp. 15, 34, 42. A. Baumstark. Liturgies comparées, p. 144-145.

9) Св. **Ипполит Римский.** Апостольское Предание, гл. 22. Ed. «Sources Chrétiennes», Paris 1946, p. 53.

10) Там же, гл. 4, стр. 30. Целование мира сохранилось и сейчас в нашем чине хиротонии.

11) Например, в римской мессе. Сравн. A. Fortescue. The Mass. A. Study of the Roman Liturgy, pp. 370-372 и A. Gastoué. Ad pacem. Dict. d'Arch. Chrét. et Lit. I, 474-478.

раз случалось в истории богослужения, возглас, выросши сам из действия, затем понемного вытеснил его или, вернее, съузил его до одного алтаря, где оно и совершается между сослужащими священниками.

С первого взгляда эта постепенная замена общего действия возгласом и все эти «технические» подробности не представляют особенного интереса. Не требует как будто пояснений и сам возглас, поскольку все знают, что любовь есть главнейшая христианская заповедь, а, следовательно, и напоминание о ней особенно уместно перед важнейшим из всех церковных священнодействий. А если так, то не все ли равно — в призыве ли к любви или же в символе любви (а в целовании мира, как, впрочем, и в других обрядах литургий современные комментаторы видят именно «символ») состоит это напоминание? Можно к тому же предположить, что исчезновение действия связано было с количественным ростом Церкви, с превращением небольших общин в многолюдные собрания в огромных храмах, где никто не знает друг друга и где обряд этот, с нашей современной точки зрения, был бы простой формальностью, лишенной внутреннего содержания.

Но все это так только «с первого взгляда», до тех пор, пока мы не вдумаемся в смысл этих слов и действий.

Мы так привыкли к словосочетанию «христианская любовь», мы столько раз слышали проповеди о ней и призывы к ней, что нам действительно трудно бывает пробиться к вечной новизне, к необычности и тайне того, что заключено в этих словах. На новизну эту указывает Сам Господь в Своей прощальной беседе с учениками: «Заповедь **новую** даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13, 34). Но, ведь, о любви, о ценности и высоте любви мир знал и до Христа и разве не в Ветхом Завете находим мы те две Заповеди — о любви к Богу (Втор. 6, 5) и о любви к ближнему (Лев. 19, 18), про которые Господь сказал, что на них утверждается закон и пророки (Мф. 22, 40)? И в чем же тогда новизна этой заповеди, новизна, притом не только в момент произнесения этих слов Спасителем, но и для всех времен, всех людей, новизна, которая никогда не перестает быть новизной?

Чтобы ответить на этот вопрос достаточно вспомнить один из основных признаков христианской любви, как он указан в Евангелии — «**Любите врагов ваших**». Помним ли мы, что слова эти заключают в себе не иное что, как неслыханное требование любви к тем, **кого мы как раз не любим**. И потому они не перестанут потрясать, пугать и, главное, судить нас пока мы не окончательно еще оглохли к Евангелию. Правда, именно потому, что заповедь эта неслыханно - нова, мы часто подменяем ее нашим лукавым, человеческим истолкованием ее: — мы говорим о терпе-

нии, об уважении к чужому мнению, о незлопамятстве и прощении. Но как бы ни были сами по себе велики все эти добродетели, даже совокупность всех их не есть еще любовь... И заповедь эта так необычна, что мы давно уже перестали верить в возможность ее исполнения и **новую** заповедь, возвещенную в Евангелии, неизменно для самих себя подменяем **старой** — любовью к тем, **кого мы уже любим** — к родным, к друзьям, к единомышленникам, забывая, что про эту — только природную, только человеческую — любовь в Евангелии сказаны другие, не менее странные и страшные слова: «кто любит отца или мать или сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 37) и «кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери и жены и детей и братьев и сестер... тот **не может быть** Моим учеником» (Лк. 14, 26). А если придти ко Христу и означает исполнение Его заповеди, то, очевидно, христианская любовь не только не есть простое усиление, распространение и «увенчание» любви природной, но коренным образом от нее отличается и даже противопоставляется ей. Она есть, действительно, **новая любовь**, подобной которой нет в этом мире.

Но как же возможно исполнение этой заповеди? Как полюбить тех, кого не любишь — не только врагов в прямом смысле слова, но и просто «чужих», далеких, «не имеющих к нам отношения», людей, всех тех, с кем ежечасно нас сталкивает жизнь? Ведь разве не в том тайна всякой любви, что она никогда не может быть плодом воли, самовоспитания, упражнения, даже аскезы. Упражнением воли и самовоспитанием можно достичь ровности, благожелательства, терпимости в отношениях с людьми, но не любви, о которой один святой сказал, что она заставляет скорбеть и плакать даже о демонах. И что же тогда может означать заповедь любви?

Ответить можно только одно. Да, эта заповедь была бы чудовищной и невозможной, если бы христианство действительно состояло только в заповеди о любви. Но христианство есть не заповедь, а Откровение и дар любви. И только потому любовь и заповедана, что она — до заповеди — **дарована нам**.

Только «**Бог есть Любовь**». Только Бог любит той любовью, о которой говорится в Евангелии. Человек не может так любить, потому что эта любовь есть Сам Бог, Его Божественная природа. И только в Боговоплощении, в соединении Бога и человека — т. е. в Иисусе Христе, Сыне Божьем и Сыне Человеческом эта Любовь Самого Бога, лучше же сказать — Сам Бог Любовь явлены и дарованы людям. В том потрясающая **новизна** христианской любви — что в Новом Завете человек призван любить Божественной Любовью, ставшей любовью Богочеловеческой, любовью Христо-

вой. Не в заповеди новизна христианства, а в том, что стало возможно исполнение заповеди. В соединении со Христом — в Телу Его — мы получаем Его любовь и можем ею любить и в ней возрастать. «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 5) и Христом заповедано нам пребывать в Нем и в Его Любви: «Пребудьте во Мне и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе; так и вы, если не будете во Мне... Кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего... Пребудьте в любви Моей» (Ин. 15, 4-5-9).

Пребыть во Христе — это значит быть в Церкви, которая есть Жизнь Христова сообщенная и дарованная людям и которая поэтому живет Любовью Христовой, пребывает в Его любви. Любовь Христова есть начало, содержание и цель жизни Церкви и любовь, по существу, есть единственный, ибо все остальные объемлющий признак Церкви: «посему узнают все, что вы Мои ученики если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Любовь есть сущность святости Церкви, ибо она «излилась в сердца наши Духом Святым», сущность единства Церкви, которая «созидает себя в любви» (Еф. 4, 16), сущность, наконец, и апостольства, ибо Церковь всегда и всюду есть тот же и единый апостольский союз — «союзом любви связуемый». И «если я говорю языками человеческим и ангельскими, если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви: то я ничто. И если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею: нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 1-3). А потому только любовь всем этим «признакам» церкви сообщает действительность и значимость.

Но Церковь есть союз любви не только в том смысле, что в ней все любят друг друга, но прежде всего в том, что через эту любовь всех друг к другу она являет миру Христа и Его любовь, свидетельствует о Нем и любит мир и спасает мир любовью Христовой. Она любит во Христе и потому в ней Христос любит мир и «каждого из братьев Его сих меньших». В ней каждый таинственно получает силу всех «любить любовью Иисуса Христа» (Фил. 1, 8) и быть свидетелем и носителем этой любви в мире.

Но тогда собрание в Церковь есть таинство любви. Мы должны понять, что в церковь мы идем за любовью, за той новой, Богочеловеческой любовью Самого Христа, которая даруется нам в нашем единстве. В церковь мы идем, чтобы Божественная любовь снова и снова «излилась в сердца наши», чтобы снова и снова «облечься в любовь» (Кол. 3, 14), чтобы всегда составляя Тело Христово вечно пребывать в любви Христа и являть ее миру.

И вот здесь сильнее всего сказывается глубокая разница между нашим «современным» и древним пониманием природы церковного собрания. Сейчас, стоя в церкви, мы продолжаем ощущать одних «близкими», а других — «далекими», безличной массой, «не имеющей отношения» к нам и к нашей молитве. Как часто — «духовно» и «молитвенно» настроенные люди открыто заявляют о своей нелюбви к многолюдным собраниям, мешающим им молиться и ищут пустых, темных храмов, уединенных уголков, отделения от «толпы»... И, действительно, всякое индивидуальное «самоуглубление» вряд ли возможно в собрании церкви. Но разве оно есть цель собрания и участия в нем? О такой индивидуальной молитве разве не сказано в Евангелии: «когда молишься войди в комнату твою и затворив дверь твою, помолись...» (Мф. 6, 6). Но не значит ли это, что собрание в церковь имеет другую цель, уже заключенную в самих этих словах, что цель его и состоит в самом собрании... Ибо через это собрание и исполняется Церковь, через собрание совершается наше приобщение ко Христу, к Его Жизни, к Его Любви и составляем «мы многие, одно тело».

А тогда и целование мира предстает нам во всем своем значении. Мы сказали уже, что оно составляло неотъемлемую часть церковного собрания с первых дней существования Церкви. И это потому, что для древних христиан оно было не символом любви и не напоминанием о любви, а священнодействием самой любви: тем видимым знаком, в котором и через который невидимо, но действительно совершалось изливание Божественной любви в сердца верных, облечение каждого и всех вместе в Любовь Христову. Нам представляется теперь, что обряд этот неизбежно был бы пустой «формой». Я ведь не знаю человека, стоящего рядом со мной в церкви, я не могу ни любить, ни не любить его, он для меня никто. А мы так боимся пустой «формы», так предельно «искренни» в своем индивидуализме и, вот, забываем главное. Мы забываем, что речь идет не о нашей—личной, человеческой любви, которой действительно, мы не можем любить этого человека пока он не станет «чем то» или «кем то» для нас, а о любви Христовой о том вечном чуде, которое именно чужого (а разве чужой не враг?) превращает в брата, не взирая на то, имеет он или не имеет отношение ко мне и моей жизни... Мы забыли, что назначение Церкви, ее вечная новизна в мире сем и состоит именно в осуществлении и в явлении Любви Христовой, которой спасается мир. И мы забыли, наконец, что в Церковь мы приходим за этой любовью, вечно подаваемой нам в собрании братьев.

Вот почему в древности, собранные призывались к действию. Ибо мы знаем, что сами по себе мы не можем достичь этой любви, как не можем получить мира Христова, прощения грехов, вечной

жизни в соединении с Богом. Все это подается, даруется нам в Церкви **священнотайне** и вся Церковь есть одно великое Таинство, великое Священнодействие Христа. В людских действиях, жестах, обрядах действует Христос, все видимое перестало быть символом, чтобы стать таинством: в благословении священника Мир Христов нисходит в собрание, в целовании святом мы являем и выражаем не свою любовь, но объемлемся, превосходящей всякое разумение, любовью Христовой.

И в этом таинственном общении не есть ли радостное откровение, что эту любовь Христову я получаю от «чужого», стоящего рядом со мной, а он от меня, но в ней мы оба опознаем друг друга, как братья во Христе.

Мы можем только захотеть этой любви и приготовить себя к ее приятию. В древности поссорившиеся должны были помириться и простить друг друга прежде участия в собрании. Все человеческое должно быть исполнено, чтобы Бог мог воцариться в душе. Но только спросим себя: идем ли мы к Литургии за этой любовью Христовой, идем ли мы как алчущие и жаждущие — не утешения и помощи — а огня, сжигающего все наши слабости, всю нашу ограниченность и нищету и озаряющего нас **новой** любовью? Или боимся, что эта любовь действительно ослабит нашу ненависть к врагам, все наши «принципиальные» осуждения, расхождения и разделения? Не хотим ли мы слишком часто от Церкви мира лишь с теми, с кем мы уже в мире, любви к тем, кого мы уже любим, самоутверждения и самооправдания? Но если так, то мы и не получаем этого дара, позволяющего действительно обновить и вечно обновлять нашу жизнь, мы не выходим за пределы себя и не имеем действительного участия в Церкви.

Не забудем, наконец, что это преподание мира и целование любви были когда то начальными действиями Литургии верных, т. е. евхаристического священнодействия. Они не только начинали Евхаристию, но и теперь делают ее **возможной** — ибо она есть таинство Нового Завета, Царства Любви и Мира. И только получив эту любовь мы можем творить воспоминание Христа, быть причастниками Его плоти и крови, чаять Царства Божьего и жизни будущего века.

«Достигайте любви» — говорит Апостол (1 Кор. 14, 1). И где достичь ее, как не в том таинстве, в котором Сам Господь соединяет нас в своей любви.

Свящ. Александр Шмеман.

(Продолжение следует).

В виду возникших среди членов Движения сомнений о пользе и целесообразности существования кружков и участия в них, Редакция сочла нужным перепечатать нижеследующую статью покойного прот. Сергия Булгакова, бывшего в течение нескольких лет руководителем кружка по изучению Нового Завета.

Редакция.

СМЫСЛ И ОПРАВДАНИЕ КРУЖКОВ РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

О каком «движении» может идти речь в нашей православной среде? Конечно, о движении **к Церкви** для людей внецерковного состояния, и о движении **в Церкви** и для людей, к жизни церковной возвратившихся. Движение предполагает как цель нечто неподвижное и безусловное, и таковое есть **Церковь**. Приобщиться к жизни Церкви — в этом — и только в этом — и могут состоять количественные и качественные успехи «движения». Оно может при этом вовлекать в себя, иметь на своей периферии людей, к Церкви не принадлежащих, однако, Ей не враждебных, искренно и добросовестно стремящихся познать Ее и проникнуться Ее жизнью. Ведь прозелитов знала даже иудейская национальная церковь, может ли холодно замыкаться от них Церковь вселенская, закон жизни которой есть любовь? Отсюда неизбежное и — верим — благое по своим последствиям соприкосновение «движения» с миром христианским неправославным, однако, любящим и неведомо для себя ищущим Православия. В условиях нашей жизни это столь же естественно, как то, что мы говорим на языке страны, в которой живем, не изменяя своему родному языку.

«Движение» выражается в нашей жизни в существовании христианских, в большинстве случаев церковных кружков. Группы молодых людей — под руководством или даже без руководства — собираются для молитвы, бесед, совместного изучения того, что посильно или доступно для них, и касаются предметов веры. В самих занятиях кружков наблюдается пестрота: одни читают Евангелие, другие Отцов Церкви, третьи знакомятся с житиями святых и литургикой, случайно затрагивают вопросы патристики, иконографии, церковной истории. По трудности, иногда прямо убожеству, общих условий жизни, такая работа лишь в исключительных случаях приближается к научному изучению. В большинстве случаев она много ниже того, что имели наши духовные семинарии и академии, вообще профессиональные богословские школы. Однако, последние в своем профессионализме не знали во многих случаях и того рвения к религиозному просвещению, которое можно, как правило, наблюдать в этих кружках.

Где же искать основы, в чем сила, смысл и подлинное значение этих кружков, которые силой вещей обречены на кустарничество в смысле научном? Эта сила находится вне их, вернее над ними, и она дает им истинную жизнь, которою они воодушевляются. Эта преобладающая сила есть Святая Православная Церковь. В Ней живя, Ее учатся взаимной помощью познавать, но познавать не отвлеченным только изучением, но и жизненным опытом. Не искать истины, еще никем не обретенной и никому неведомой (каковую задачу могли бы поставить себе какие нибудь философские, научные кружки), но познавать жизнью истину, **данную** в Церкви, познавать Церковь, — такова цель кружков. Церковь есть океан божественной жизни, неизмеримый и неведомый, сокровище «живота вечного», а потому жизнь в Церкви есть Ея непрерывное познание и опознание. И в этом познании имеет большое значение качество, а не количество, — именно «движение». Кружки от себя **дают** толчки к такому движению, способствуют опознанию жизни Церкви, а это опознание, это касание есть именно то, из чего могут произрасти семена новой жизни. Для одного сила Церкви откроется в подвиге угодника Божия, для другого в смысле иконопочитания, для третьего через знакомство с чином служб церковных и т. д. Но в каждом из этих случаев поразившее его, открывшее ему духовные очи уведение не есть только отвлеченное умственное познание, но приобщение к жизни церковной, источником бессмертной жизни быющей в его сердце. Каждого Господь ведет своей дорогой. Из житий святых мы знаем, что различными путями настигает Господь сердца человеческие. И надлежит свидетельствовать, что ныне в изгнании для многих душ их духовные очи открываются под влиянием впечатлений, получаемых в кружках, где они узнали о той или другой черте церковности. Безмерная милость Божия в том, что мы в Церкви, что Господь даровал нам Истину. А потому и кружки, прислоняясь к Церкви, получают силу бытия и жизни, значительность, которая совершенно несоизмерима их естественным, человеческим силам. Но не таков ли закон жизни Церкви? «Посмотрите, братия, кто вы призванные», говорил апостол Коринфской своей общине (I Кор. 1, 26-29) — не силою немощного естества, но силою Христовой утверждается Церковь.

Итак, кружки — это не сектантские общины, мертвеющие в своем отъединении и самомнении, это — церковные клетки, семена церковные. И только в этом качестве они могут притязать на поддержку и сочувствие. И лишь при связи с Церковью изучаемое воспринимается церковно. В частности это относится и к так называемым «евангельским» кружкам, поставившим целью изучать Слово Божие. Такая задача, естественно возникающая для вся-

кого христианина, может получить и извращенную постановку: протестантские, сектантствующие кружки. Однако, в кружках православных и изучение Слова Божия является необходимой частью **церковного** просвещения, которое, опять таки, неразрывно связано со всею жизнью Церкви: так, история Евангельских событий, о которых читается в Евангелии, есть вместе с тем и высшая действительность, переживаемая в церковных праздниках. События жизни Господа, Его притчи и поучения, чтые в Церкви, раскрываются и в молитвах и песнопениях круга церковного. Евангелие для православных есть Книга, пребывающая в Церкви и из Нея неисторгаемая.

Итак, есть жизнь церковная, движимая Духом Святым, вечная и неисчерпываемая. И есть жизнь человеческая, которая движется к познанию церковной истины. Узнать нечто о Церкви означает несоразмерно с этим отдельным знанием обогатиться. И в этом церковном контексте и надо понимать то, что делается в кружках. Разумеется, не для всех нужно и даже полезно это участие, ибо дары различны, и призвания различны. Довольно того, что в ткани церковного тела и такие образования, завязи и связи друзей о Господе имеют свое законное место. Господь рек: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их». (Мф. 18, 20). Господь установил **соборную** природу Церкви, и эта соборность может являть разные образы собранности и собирания. И почему же исключать из них и наши теперешние кружки, которые собраны во имя Его? Они, эти «домашние церкви», которые возлюбил, наряду с обширными общинами, св. ап. Павел, разбросаны по разным местам и нашего изгнания на помощь и утешение церковное. Соборность хочет себя ощутить, углубиться и расширяться. Удивительно, если наши малые соборы молодежи, которые еще не нашли для себя более соответственного имени нежели кружки, также стремятся к соборованию и радуются о нем? Те, кому приходилось быть на этих съездах или «конференциях», и кто не замкнул нарочито сердце свое, знают, какая особая **церковная** и молитвенная радость там подается. Это — радость соборности, радость церковности, веяние Духа. Поэтому, как ни скромны наши христианские студенческие кружки, надо за них благодарить Господа, как за Его милость, надо благодарить и тех христианских собратий, которые помогают их делу, и надо открыть свое сердце верующей, заботливой, ответственной о них попечительности, не ожесточая его подозрительностью и надмением.

Прот. С. Булгаков.

(Вестник РСХД. № 4 — 1926).

ЖЕНСКОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО К ПЕРВОХРИСТИАНСКИМ СВЯТЫНЯМ РИМА

С 8-го по 16-ое сентября с. г. состоялось экуменическое паломничество в Рим, в котором приняли участие женщины трех христианских вероисповеданий: англиканки со своим англиканским священником, католички и православные, среди которых одна монахиня.

Благодаря помощи одной американки, привлечшей внимание и интерес к этому паломничеству и некоторых других американских женщин, а также гостеприимному содействию католических женщин в Риме небольшая группа паломниц, в составе 12 человек, приехавших из С. Ш., Англии, Франции и Италии, была размещена в доме «Каза Пуденциана», организованном католиками для приема иностранок, посещающих Рим.

Паломничество было задумано в определенных исторических рамках и должно было заключаться в последовательном осмотре памятников религиозной культуры, начиная с античности до наших дней.

Одной из целей паломничества было также ознакомление с той ролью, которую имела и может иметь женщина в церковной жизни. К паломницам, прибывшим из за-границы, присоединилось и несколько местных обитательниц, а также местный англиканский священник со своей женой. Католические участницы, взявшие на себя роль «чичероне», приводили иногда с собой и местных патеров, так что количество мест, занятых в автокаре, нанятом для осмотра Рима, доходило иногда до 20.

Паломничество началось литургией в русской православной церкви, по окончании которой о. архимандрит Симеон обратился к паломницам с приветственным словом, призывая их, всегда иметь перед собою в жизни полный смирения и любви образ Богоматери, праздник которой приходился на этот день.

Литургией обычно начиналось и каждое утро, — англиканской, католической или православной. День проходил в путешествиях по городу и его окрестностям. Вечером собирались в гостинной общежития или в саду, чтобы обменяться впечатлениями и выслушать объяснение программы на следующий день. Заканчивался день вечерней молитвой в церкви св. Пуденцианы, вход в которую выходил в сад общежития. Эта древнейшая церковь Рима была построена на месте дома, где, по преданию, жил друг ап. Павла, Пуденций, со своими дочерьми Пуденцианой и Праседой, причисленными к лику святых за свое служение перво-хри-

стианской Церкви. Эта римская семья давала у себя приют и ап. Петру и, как чтимая святыня, хранится в этом храме, в ковчеге под престолом, древняя доска стола, на котором по преданию, ап. Петр совершал евхаристию. Старинная мозаика IV в. на алтарной арке запечатлела образы ап. Петра и Павла по обеим сторонам Христа-Вседержителя; две аллегорические женские фигуры, — образы Церкви из новообращенных язычников и иудеев, — держат венки над головами апостолов.

Первый день паломничества был посвящен осмотру древнего города. Задолго до Р. Х. античный мир подготавливал пути христианству своими религиозными озарениями и предчувствиями. При первом же знакомстве с Римом приходится встретиться с именами сибилл и весталок, имевших по преданию откровение от самих ангелов о грядущем Спасителе. Некоторые из сивилл помещены даже в росписи римских христианских храмов рядом с ветхозаветными пророками. У подножия Палатина, на высотах которого стоял когда-то алтарь Великой Матери богов, находился храм Весты и, рядом с ним, дом весталок, которые должны были хранить священный палладиум и поддерживать неугасаемый огонь на жертвеннике. Одна из них, по имени Клавдия, приняла христианство и была вычеркнута из списка весталок, но, в IV в. христианский Рим воздвиг в честь ее статую на одной из своих площадей. С торжеством христианства у склонов Палатина была построена христианская церковь, известная теперь под именем Санта Мария Антиква. Это одна из древнейших римских базилик, включившая в свою постройку находившийся здесь когда-то атриум Минервы. В ней сохранились остатки замечательных фресок, среди которых находится очень чтимое местным населением изображение трех святых матерей, Божией Матери и праведных Анны и Елизаветы. На вершине Капитолия стоит другая базилика, воздвигнутая в честь Богоматери в самом сердце города Рима, его славной цитадели. Она носит название Санта Мария ин Арачели и построена на том месте, где, по преданию сивилла Тибурская имела видение дивной Жены с Младенцем на руках. Когда Цезарь Август узнал об этом видении, он повелел воздвигнуть на сем месте «небесный алтарь» (арачели) «Сыну Божию», который, по предсказанию сивиллы, должен воцариться после него. В память этого предания в одном из пределов базилики свято почитается небольшая деревянная скульптура Младенца Христа — «Санто Бамбино». Сюда ходят молиться не только местные жители, но со всех концов католического мира к Престолу Младенца Христа стекаются груды писем с просьбами об исцелении и помощи. Христианство запечатлело и осватило не только места связанные с пророчествами о Спасителе, но и самые языческие храмы и дворцы приняло на служе-

жение Ему. Так дворец фамилии Латерани был при Императоре Константине превращен в христианскую базилику и посвящен Спасителю (Сальваторис) и только впоследствии этот, от землетрясения пострадавший храм, начал носить имя св. Иоанна Крестителя (возможно, благодаря находящемуся вблизи его баптистерию).

После осмотра остатков античности, шаги паломниц направились по следам провозвестников христианства в этом древнем городе, первоверховных апостолов Петра и Павла. Порт древнего Рима — Остия Антика, — куда прибыли апостолы с благовестием, затем ведущая от нея дорога к Риму, небольшая церковь «Кво Вадис» на месте явления Христа ап. Петру, древняя пирамида мимо которой должны были пройти апостолы, когда входили в город, Мамертинская тюрьма, куда они были брошены и где обратили ко Христу союзников своих и стражу, места мучений и казни апостолов, — все это здесь живо и трепетно и вводит непосредственно в рассказ Деяний Апостольских.

Следующий день был посвящен катакомбам. Вдоль берега Тибра, мимо еврейского квартала, где, вероятно, жили когда-то апостолы, мимо терм Каракаллы автокар уносил паломниц к воротам св. Севастьяна за которыми начинается Виа Аппиа. По обеим сторонам тянулось когда-то римское кладбище с подземными гробницами и надгробными памятниками, остатки которых и теперь разбросаны по пустынным пастбищам, покрытым редким кустарником и суховатыми травами, среди которых пасутся козы и овцы. Кое-где, на фоне безоблачного неба, темнеют силуэты кипарисов и пиний, а вдаль, в голубоватой дымке выступают очертания гор. После мессы в одной из часовен катакомб св. Каллиста, паломницы, с зажженными восковыми свечками в руках, шли друг за другом по узким корридорам и переходам, вдоль стен которых, в несколько рядов, тянутся гробницы, и, вместе с мыслью «земля еси и в землю отыдеси», переживалось ими живое ощущение уже здесь, на земле, начинающейся вечности. На стенах корридоров сохранились древние надписи на греческом и латинском языках и символические изображения, среди которых чаще других встречаются агнец, оливковая ветвь, — символ вечного мира, — голубь, — символ Св. Духа, — рыба, по греческому своему надписанию, заключающая в себе начальные буквы слов «Иисус, Христос, Божий Сын, Спаситель», — и корзина с хлебом, — символ евхаристии.

В катакомбах св. Каллиста находится могила св. Цецилии, мученицы II-го века. Мощи ее были перенесены в церковь ее имени, построенную в Трастевере на месте дома, где она была убита. Мраморная ее фигура изображает святую, лежащую нич-

ком с раной на шее, в том виде, как она была найдена. Неизгладимое впечатление производят образы этих святых жен и дев, принесших свою жизнь в дар Христу-Спасителю. К ним относятся: Св. Агнесса, ее маленькая служанка Емеренциана последовавшая за своей госпожей в мученической кончине, св. Сабина, св. Анастасия, св. Сусанна, св. Прискилла, св. Балбина, в честь которых в Риме воздвигнуты храмы.

Эпоха гонений — эпоха младенчества Церкви — есть, вместе с тем, ее лучший и прекраснейший цветок и, в смысле сохранения памяти о нем, Рим оказал огромную услугу христианству, несмотря на тяжелые условия существования Церкви в первые века ее истории, вторжения варваров, грабежи, пожары и землетрясения. В катакомбах почти все могилы в стенах корридоров были вскрыты варварами, искавшими в них не только сокровищ, но и сами мощи, которые переправляли в Европу, т. к. принявшие христианство государства жаждали иметь реликвии. Некоторые наиболее чтимые мощи, были самими римлянами перенесены во вновь воздвигнутые церкви и в Пантеон, а мраморные доски, закрывавшие отверстия могил, были частью сохранены и перевезены в позднейшую эпоху в музеи. По ним, как и по сохранившимся саркофагам интересно проследить историю развития отдельных мотивов перво-христианского искусства. Так, встречающийся на статуях, фресках катакомб и саркофагах, мотив доброго пастыря, изображающий Христа, в IV в. сменяется образом Царя-Вседержителя и Судии а рядом с ним появляется и образ Оранты-Заступницы рода человеческого. В первые века Оранта—молящаяся душа умершего с воздетыми к небу руками; с течением времени, ее черты принимают образ Богородицы, умоляющей Сына о спасении людей. В мозаиках и стенных росписях, уже начиная с V в., Она стоит по правую сторону Христа, как Царица Небесная (по слову Псалма: «предста Царица одесную Тебе» — 44, 10). Храмов, посвященных Богородице в Риме более 40. Самым большим и известным из них является С. Мария Мажоре, воздвигнутая после 3-го Ефесского Собора, когда Божия Мать провозглашена Богородицей (Феотокос) в 431 г. С построением этих храмов связано много легенд и преданий, которые сплетают благоухающий венок вокруг Ее имени. С началом торжества христианства в Риме постоянно связывается имя матери Имп. Константина, св. Елены, обретшей в Иерусалиме св. Крест Господень и орудия Страстей. Часть этих священных реликвий сохраняется в храме Санта Кроче. В музее Ватикана можно видеть порфиновый саркофаг св. Елены рядом с саркофагом св. Констанции, дочери Имп. Константина. В храме св. Петра, в одной из его крипт хранятся мощи св. Елены и там же находится ее мраморная статуя. Осмотр памятни-

ков первых веков христианства наполнял сердца паломниц всех трех вероисповеданий радостью общности веры, чувством единства во Христе и любовью к тем представителям христианского благовестия, следы трудов и подвигов которых они так многократно видели в Риме.

Кульминационным пунктом паломничества была поездка в Субиако, монастырь св. Бенедикта, гнездящийся высоко в горах, там где когда-то стоял загородный дворец Нерона, развалины которого видны и сейчас. В ущелии скалы, где когда-то спасался Бенедикт и где теперь устроена часовня, была отслужена сирийским монахом месса восточного обряда на арамейском языке. После нее монахи-бенедиктинцы гостеприимно принимали паломниц в трапезной монастыря. С террас монастыря, прилепленного к горному обрыву, над которым свешивается огромная отвесная скала, открывается чудный вид на долину реки Анио. Кругом шумят столетние дубы, сады и террасы монастыря полны розовых кустов, среди которых одиноко возвышаются кипарисы. Сам монастырь представляет из себя настоящую сокровищницу христианского искусства XI-XV в. Стены галлерей, переходов и часовен украшены прекрасно сохранившимися фресками из жизни св. Бенедикта, его сестры св. Схоластики, последовавшей за братом и спасавшейся в соседнем монастыре и св. Франциска Ассизского, посещавшего монастырь и по преданию чудесно превратившего колючие кусты, росшие на этой скале, в благоухающие розы. Здесь все полно легенд, связанных с жизнью этих святых: и розы в саду и ручные вороны на уступах скал, а мраморная фигура св. Бенедикта на площадке у входа, своей властно поднятой в направлении нависающей над монастырем рукой, как-бы удерживает ее от падения и, по вере монахов, защищает их от опасности. Полна наивного изящества фреска XI в., на которой св. Бенедикт созерцает из своего окна как ангелы несут душу его сестры, в виде белой голубки возносящейся к небу.

После Субиако, связанного с эпохой Средневековья, паломницы вступили в период церковных споров и разделений и должны были пережить трагедию нарушения единства Христовой Церкви и в своей собственной душе. Символически это ощущение разделения сказалось и в том, что паломницы в эти дни ходили по городу вероисповедными группами, желая посетить особенно дорогие их церковному сознанию места. У православных (русских) это совпало с праздником св. Александра Невского, когда они ходили к обедне в русскую церковь, у католиков была заказана месса в часовне Игнатия Лойолы, англиканки молились в американской церкви св. Павла. Замок С. Анжело, сопряженный с мрачным периодом истории папства эпохи Ренессанса, отбрасывает

свою тень на дни паломничества, посвященные этой эпохе. В церковную историю врывается Реформация и с нею связано посещение Рима Лютером в 1510 г., когда он жил в Августиновском монастыре, рядом с церковью св. Марии дель Пополо. С эпохой Ренессанса связан собор св. Петра и Ватиканский музей, описание посещения которого потребовало бы особой статьи, настолько многочисленны его религиозно-художественные богатства. С осмотром храма св. Петра и Ватиканского музея, паломничество подходило к концу и, в один из последних дней паломникам был устроен прием католической организацией «Унитас», во время которого паломницы имели случай встретиться с католическими отцами, ведущими работу по сближению вероисповеданий в католическом понимании. Эта встреча уже носила печать современной эпохи и погружала в проблемы наших дней. Незадолго до отъезда паломникам удалось побывать проездом и в женском монастыре Гротта Феррата, где живут католические затворницы.

Поездка в Кастель Гандольфо — летнюю резиденцию Папы Пия XII — дала возможность паломникам получить впечатление о современном католицизме. Был чудный осенний день и Папа, в белой сутане, вышел на балкон к народу, наполнившему двор его дворца, просто и приветливо говорил с детьми и молодежью, а также обращался с приветственным словом на разных языках к отдельным делегациям. Папский дворец расположен на высокой горе среди красивого парка и с одной из террас открывается вид на зеркальную поверхность лежащего у подножия скалы озера Албано, представляющего из себя кратер потухшего вулкана, на тянущуюся до самого моря цветущую долину и отроги Албанских гор.

Накануне отъезда из Рима в здании одного из отделов ООН состоялся дружеский прощальный обед, устроенный по инициативе Мисс Симондс, организаторши и участницы паломничества. За столом речей не было, но каждая из участниц чувствовала в своем сердце глубокую благодарность за ту жертвенную любовь и труды, благодаря которым удалось осуществить это паломничество.

В. Зандер.

АНГЛО-РУССКИЙ СЪЕЗД В БИЕВРЕ

24-27 сентября состоялся в Биевре третий англо-русский студенческий съезд представителей Православия, Англиканства и Пресвитерианства. Съезд этот, благодаря своему спокойному, деловому характеру, должен быть причислен не к исключительным

событиям, а к будничной работе в области наших междуцерковных отношений.

Экуменический плуг запахивает все новые и новые поля, и эта работа требует терпения, постоянства и веры. В данном случае одно из этих полей оказалось весьма удаленным, потому что большинство студентов пресвитерианской церкви приехало в Париж из Шотландии. Как всегда съезд продолжался три дня; три основных доклада, работа трех кружков и три сообщения, объясняющие евхаристические службы трех исповеданий составляли интеллектуальное содержание съезда. Три конфессиональные службы (в присутствии всех членов съезда) явились выражением его молитвенной жизни. Но, приезжая в Париж, англичане и шотландцы выразили желание присутствовать при православном богослужении, устроенном не *ad hoc*, а в настоящем храме, в присутствии церковного народа. Поэтому съезд был устроен таким образом, что последний его день совпадал с праздником Воздвижения Креста. В этот день все участники съезда были у обедни в кафедральном соборе на rue Daru. Служба, продолжавшаяся два с половиной часа (служил Митрополит Владимир), торжественность обстановки, толпа молящихся, пение хора — все это произвело на них сильное впечатление. Вот что пишет шотландский пастор Д. Макай (пресвитерианский докладчик) в своем приходском журнале *Greenbank Parish church leaflet* «нам было дано присутствовать при литургии в праздник Воздвижения Креста в русском соборе. Благодаря предшествовавшим объяснениям, английскому переводу литургии и помощи русских друзей мы могли следить и понимать все, что происходило во время службы. Было бы, конечно, легко отметить все, что нас разделяет (почитания Богоматери, святых и икон, сложность обрядов, облачения, ладан, свечи); но имея за собой опыт нашего общения, я гораздо более обращал внимание на то главное и основное, что является общим в богослужении обеих церквей: на торжественное чтение Евангелия — посреди народа и на понятном языке; на проповедь слова Божия; на великолепное пение псалмов — в особенности 24 и 103 — в том же месте, как и в нашей службе, на пение всем народом символа веры; наконец на участие в службе — жестами и благоговением всех молящихся. Служба длилась два с половиной часа и в течении всего этого времени молящиеся стояли на ногах, потому что в церкви нет скамей. Я думаю, что это является знаком большого благоговения. Что же касается меня, то я часто вспоминал слова Апостола: «укрепите ослабевшие колени». Но вот, что меня глубоко тронуло. Во время службы в церковь вошла молодая мать с ребенком на руках и двумя другими, державшимися за ее платье. Она встала на колени и дети с радостью по-

следовали ее примеру; а затем, когда вынесена была чаша, она взошла на амвон вместе с детьми и все вместе они причастились Св. Таин. Я же вспомнил при этом слова Господа: «пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне...».

Эти слова пресвитерианского пастыря из далекой и по существу чуждой нам Шотландии, лучше всего свидетельствуют о плодотворности наших встреч. Что же касается данного съезда, то мы можем считать его удавшимся, потому что все покинули его обогащенные новым опытом и с твердым желанием продолжать эту работу.

Но на будущий год предположено устроить не съезд, а паломничество на «святой остров» Айону, к которому впервые приплыл св. Колумбан — апостол Шотландии и северной Англии. Паломничество это потребует от всех его участников больших усилий (в первую очередь денежных, ибо Айона далеко; а затем и физических: последнюю часть пути предположено пройти пешком, а на Айоне все паломники ведут строго монашеский и трудовой образ жизни). Но это паломничество может стать подлинным событием в нашей жизни. Самые сухие и нечувствительные к мистической жизни люди свидетельствуют о том, что «на Айоне самый воздух — иной», что это подлинно благословенное место, взысканное особой благодатью. Недаром же в средние века на Айоне иноземные короли и принцы завещали хоронить себя на Айоне. Бывший там древний монастырь пришел в новое время в упадок. Но в наши дни шотландский пастор Мак Лауд образовал новый орден — Айонское братство, которое своими руками восстановило древнюю обитель, превратив ее в место паломничества. Это — подлинная святыня Шотландии, одно из тех мест, где цветет и благоухает христианство далекого Запада... Паломничество туда намечено на первую неделю сентября 1952 г. Но готовиться к нему надо уже сейчас.

3.

ВСТРЕЧА В МАРБУРГЕ

Небольшой живописный город Марбург был свидетелем многочисленных событий в области религиозной и умственной жизни. В средние века он был центром ордена меченосцев и местом жительства Святой Елизаветы Тюрингенской, имя которой носит его главная церковь. В XVI веке Марбургская встреча Лютера и Цвингли и их спор о евхаристии разделил реформацию на два течения: на тех, кто верят в причащение плоти и крови Христовой (хотя и отрицают пресуществление) и на тех, кто участвуют в

братской Трапезе в память Тайной Вечери, духовно соединяясь со Христом.

Для нас Марбург памятен тем, что в нем учился (и женился) Ломоносов. А в конце XIX века многие русские философы смотрели на Марбург, как на новые Афины, стремясь причаститься неокантианской мудрости в семинарах Когена и Наторпа 1).

И вот теперь Марбург оказался местом совсем иной встречи, чуждой духу как меченосцев, так и неокантианцев, чуждой духу учительства, основанного на сознании культурного неравенства.

Лютерано-православный студенческий съезд имел своим motto слова: «чему мы можем научиться друг у друга»: не лично, не как суденты и профессора, а именно как представители православной и лютеранской церкви, или (более частным образом), как носители русского и немецкого благочестия.

Вопрос этот имеет длинную историю, тянущуюся с самого начала реформации. В 1519 г. во время «Лейпцигской диспутации» Лютер защищался от нападков Экка, указывая на святость восточной церкви, не признающей папского примата. А затем следует долгая переписка Тюбингенских богословов с Вселенским престолом (подробно изученная в книге проф. Э. Бенца — Ваттенберг и Византия), влияния лиэтизма на Православие (любимой книгой св. Тихона Задонского было, как известно, «Об истинном Христианстве Иог. Арндта»), обучения русских богословов в германских университетах... (Мы перечисляем эти факты, не говоря о том, что в них можно приветствовать и о чем сожалеть). Новейшие ученые труды в этой области показали, однако, что проблема «православие — лютеранство», хотя и выдвинута историей, но даже не намечена положительной богословской мыслью.

Лютеранский ученый д-р Л. Мюллер написал большой труд: «Реформация в оценке православных богословов» (части этого труда изданы им в ряде отдельных изданий). Православный (греческий) ученый д-р Калогирю написал как-бы pendant к труду Мюллера — книгу на тему: «Православие в оценке лютеранских богословов» (этот интереснейший труд, к сожалению, еще не издан). Читая эти исследования часто приходится краснеть: неосведомленность, непонимание, а часто, слишком часто, презрение, гордость, брань присущи, как лютеранам говорящим о Православии, так и православным, говорящим о Лютеранстве. Поэтому

1) Ср. А. Белого: Профессор марбургский Коген — Творец сухих методологий! — Им отравил меня NN (подразумевается Б. В. Яковенко) — И увлекательный и строгий... и дальше: Уж с год таскается за мной — Повсюду марбургский философ. — Мой ум он топит в мгле ночной — Метафизических вопросов.

экуменическая встреча — в полном сознании своих конфессиональных позиций и вместе с тем с положительным интересом к христианской вере другого является нужной, важной, а в настоящее время и острой задачей. Ибо вопрос этот не только религиозный. Он осложняется тем, что лютерано-православные отношения в значительной степени являются отношениями немцев и русских. А эти отношения настолько отравлены двумя войнами и безчисленными ужасами, что правильное решение этого вопроса возможно только на религиозной почве — путем узрения того христианского лика, который хранится в душе как русского, так и немецкого народа, несмотря на все грехи большевизма и нацизма.

В этих именно линиях и был задуман тот съезд, который имел место с 23 по 26 сентября в Марбурге. Организаторами съезда были официально: экуменический семинар Марбургского Университета и Германское Христианское Студенческое Движение — с немецкой стороны; и РСХД — с русской стороны. В съезде участвовало 40 человек студентов и профессоров и около 20 гостей, посещавших отдельные собрания. Три дня съезда были посвящены трем основным темам:

1) Что такое лютеранство (проф. Мейнхольд из Киля); что такое Православие (Л. А. Зандер).

2) История православно-лютеранских отношений (проф. Э. Бенц); Православие и лютеранство в оценках друг друга (д-р Л. Мюллер).

3) Образы лютеранской праведности (д-р Целлер); образы православной святости (проф. Ковалевский).

Доклады эти в их внутреннем единстве и целостности оказались столь ценными, что возникла мысль (над осуществлением которой сейчас работают), напечатать их отдельной брошюрой в качестве начала нового православно-лютеранского диалога. Докладам были посвящены утренние часы; после обеда работали три группы (руководимые самой молодежью), разбиравшие эти темы под углом зрения свящ. Писания, литургики и истории.

Вечерние часы были посвящены двум докладам о лютеранской — православной евхаристии (д-р Риттер и отец Павел Захариас — православный священник, немец). Эти доклады были задуманы, как объяснения служб, которые имели место в следующие после докладов дни. Но на самом деле они далеко вышли за пределы объяснительных чтений и оказались столь значительными духовно и догматически, что заняли центральное место в работах съезда. Этому способствовало то обстоятельство, что пастор Риттер принадлежит к Братству Св. Михаила (литургическое движение лютеранства) и прочел свой доклад так, что православные приняли его с восторгом (пастор Риттер говорил о евхаристии,

как о всемирной жертве Христа, реализуемой *hic et nunc* — на бесчисленных алтарях в молитвенном приобщении христианской общины, через причастие, мистическому телу Христову — Церкви), а лютеране, не разделяющие устремлений оратора, бурно против него протестовали. Докладчик удачно защищался, и этот спор ввел нас *in medias res* той напряженной жизни (и борьбы), которая имеет место в современном лютеранстве. На следующее утро пастор Риттер служил; текстом службы была *Deutsche Messe* — западная литургия, сверенная с ранними христианскими службами; внешне — похоже на англиканский обряд (свечи, облачение, каждение, целование Евангелия после чтения...). Служба имела место в Университетской церкви; все присутствовавшие лютеране (члены съезда и прихода пастора Риттера) причащались. На съезде нам стало очевидно, что в лютеранстве литургическое движение значительно растет (на последнем съезде братства Св. Михаила участвовало 600 пасторов) и что оно, охватывая только часть духовенства и мирян, рассматривается как законное и терпимое, в отличие от Швейцарии и Голландии, где «литургические» пасторы являются подозрительными и где даже самые невинные попытки придать службе значение литургического таинства, немедленно вызывают властный отпор церковной администрации. Психологически все это в значительной степени сводится к отсутствию или зараженности анти-римским комплексом. Пастор Риттер от него свободен; поэтому ему не страшны формы и обряды первохристианства, которые с XVI века стали считаться римскими. Прекрасный доклад о православной евхаристии о. Захариаса явился как бы естественным продолжением того, о чем говорил пастор Риттер. И интересно отметить то, что бурно протестовавшие против Риттера, с глубочайшим интересом и вниманием слушали православного богослова.

На следующий день в церкви св. Иуста (которая была предоставлена русскому приходу в Марбурге, когда он там существовал) состоялась православная литургия — в сослужении трех священников: о. Алексея Макеева (из Геттингена), о. Валентина Бахста (приехавшего вместе с нами из Франции; он работал среди Ди-Пи в Форбахе) и о. Павла Захариаса. Служба совершалась на немецком языке. Импровизированный хор пел по-славянски. Все православные члены съезда исповедовались и причащались.

Последние заседания были посвящены организационным вопросам. О том, что работу эту следует продолжать, никто даже не говорил: это разумелось само собою. Но как возможно это осуществить? В качестве общих рамок работы было организовано «Лютерано-православное студенческое Содружество» — по образцу «Англо-православного Содружества Св. Албания и Преп.

Сергия». Цель Содружества очень скромная: изучать друг друга, а где возможно, встречаться друг с другом. Во временный комитет Содружества были избраны: Д-р Л. Мюллер (7 Schillerstr, Marburg a. d. Lahn; ему можно писать по-русски) и студент Филиппи (фамилия) от лютеран; Никита Олегович Воинов (Schaumburgstr. 7, Hannover) и о. Захариас — от православных. Проф. Бенц и Л. А. Зандер были избраны почетными председателями. Образование групп Содружества на местах, конечно, желательно, но предусмотреть его было нельзя; это зависит от энергии участников съезда. Но в виду того, что представлены были почти все университеты Германии (конечно, только Западной) и что участники съезда разъехались с намерением продолжать и развивать эту работу, можно ожидать, что Содружество окрепнет и станет на ноги; сейчас это еще очень нежный росток, который легко может засохнуть от недостатка влаги или замерзнуть от холода равнодушия. Наиболее уязвимой частью этого ростка является православная группа: ибо она малочисленна и слаба и часто не сознает своей церковной ответственности, налагаемой на нее жизнью среди инославных христиан. Для того, чтобы глубже осознать наши трудности и задачи, русские делегаты остались в Марбурге еще на один день и решили совместно взяться за организацию чего-то вроде курсов богословского самообразования. В Ганновере, у Н. О. Воинова должна образоваться небольшая библиотека, составленная исключительно из книг, которые стоит и следует прочитать. Но и читать их надо не вслепую, а согласно выработанному плану; таким образом можно будет достичь планомерного самообразования и самовооружения для того, чтобы «быть всегда готовым дать ответ о своем уповании всякому требующему» (I Петра 3-15). Над составлением подобных программ и планов сейчас работают. Другая часть библиотеки, также составленная исключительно из хороших немецких книг, должна быть образована в Марбурге — у д-ра Мюллера.

Работа предстоит большая... Но не следует думать, что это Содружество есть просто новый семинар по сравнительному богословию. Ибо живое изучение другого исповедания и стремления понять его в его святом и важном, соединенное при этом с личными встречами с его представителями, всегда расширяют не только наши горизонты, но и наши сердца. Мы научаемся видеть добро в других, мы убеждаемся в том, что слово Божие действительно и в чуждых нам формах, и это является радостью и утешением. Только в экуменической реальности мы перестаем чувствовать себя «нежелательными иностранцами» (в лучшем случае терпимыми, сообразно приносимой нами пользе) и убеждаемся, что слова Апостола «вы не чужие и не пришельцы, но сограждане святым»

(Еф. 2-19) могут стать реальностью и в Европе XX века. Наконец, не надо забывать, что на нас православных лежит трудная, но неотложная обязанность свидетельствовать перед иноверцами об истинности нашего вероисповедания.

В Марбурге мы это все ощутили в полной мере. Нам остается лишь выразить глубокую благодарность всем, благодаря которым этот съезд из области мечтаний и планов превратился в пережитую реальность, в духовный опыт.

Л. Зандер.

МИССИОНЕРСКИЕ ПОЕЗДКИ

(Брюссель, Лувен, Льеж, Лион, Монтаржи).

Миссионерская группа в составе двух священников и двух мирян посетила с 16 по 21 ноября три прихода нашей епархии в Бельгии, где она провела ряд бесед на религиозные темы с взрослыми и с молодежью. Вторая миссионерская поездка была совершена с 22 по 25 декабря в приходы города Лиона и Монтаржи. На собраниях обычно собиралось от 30 до 80 человек. В Лувене и в Льеже состоялись отдельные беседы с молодежью.

Миссионерские поездки всегда переживаются как некие духовные события, объединяющие членов Церкви вокруг наиболее важных вопросов жизни. Происходит общение в молитве, обсуждение трудных вопросов религиозной жизни, а также обмен опытом церковной работы. Миссионеры делятся своим опытом жизни в Церкви и как-бы отдают себя на суд церковного народа, но с другой стороны сам народ делится своими недоумениями, исканиями, трудностями, встречаемыми им на его путях жизни. Завязывается живой диалог между миссионерами и прихожанами, происходит самое настоящее соборное обсуждение религиозных вопросов. Понятие соборности из отвлеченного понятия превращается в живую духовную реальность, наполняющую душу чувством радости. Радует, что у церковного народа есть потребность соборно обсуждать вопросы веры и что сама вера для него не является каким-то мертвым капиталом, а живой реальностью, осмысляющей его трудовую, часто очень тяжелую, жизнь.

Наряду с чисто религиозными вопросами стоят две другие темы, волнующие сознание русского эмигранта: — это будущее России и судьба нашей зарубежной молодежи.

Старшее поколение, сознавая свою оторванность от России и полную невозможность влиять на ее будущее, все-же сохраняет глубокую любовь к России и искренно огорчается, что молодое поколение теряет всякий интерес и к прошлому России и к ее будущему. Поэтому тема воспитания молодежи, приобщение ее и к

жизни Православной Церкви и к русской культуре является одной из центральных тем, волнующих наше зарубежное рассеяние.

Тот, кто еще не отчаялся в возможности сохранения у молодежи православной веры и русскости, естественно ищет конкретных путей, могущих сделать молодежь живыми и активными членами наших приходов и сознательными и ответственными гражданами свободной России. Воспитание в молодежи правильного церковного сознания и сохранение духовной связи ее с Россией являются одной из неотложных задач, к решению которой и призывается религиозно-мыслящая, церковная интеллигенция. Нужны работники на местах, но им так-же нужны пособия, книги, руководства, которые должны совместно, общими усилиями, составляться в центрах и затем рассылаться по приходам. А миссионеры могут быть теми живыми связующими нитями между нашим церковным центром и всеми отдаленными приходами епархии, для установления более тесного сотрудничества между приходами нашей широко разбросанной епархией.

СОДЕРЖАНИЕ ВЕСТНИКА

за три последние года, с января 1949 г. до сего номера включительно.

В 1949 году, после десятилетнего перерыва, «Вестник» возобновился одновременно в Мюнхене (в настоящем его виде) и в Париже (на ротаторе). С третьего номера парижское издание было прекращено. Издание в Мюнхене продолжалось в течение всего 1949 г. С января 1950 г. редакция «Вестника» была перенесена в Париж.

В указателе не вошли краткие заметки о церковной и движенической жизни, как-то: приветствия, рецензии, отчеты о лагерях, кружках и т. д.

И. СТАТЬИ

- А. Александрович.** О забытом сокровище. № V-VI и VII-VIII, 1949 г.
- Г. Б.** Страстная неделя и Пасха на Соловках. № IV, 1949 г.
- А. А. Боголепов.** Мир и благоволение. № XI-XII, 1949 г.
- В. Вейдле.** Россия, Запад, Европа. № II, 1950 г. О поэзии Тютчева. № III, 1951 г.
- Свящ. **И. Верник.** Православная Церковь и инославие. № III, 1950 г.
- С. С. Верховской.** Несколько мыслей о страданиях и смерти Христа. № II, 1950 года. Сущность власти в Церкви № II, 1951 г.

- Д. Д. Викторев.** Съезд в Торонто. № IV-V, 1950 г. Католичество во Франции. № I, 1950 г.
- Г. Г.** О религиозном, безрелигиозном и антирелигиозном творчестве. № I, 1949 г. Обновление интереса к древней русской иконе. № II, 1949 г.
- А. Г.** Христианское студенческое движение в СССР. № V-VI, 1949 г.
- Д.** Абиссинская Церковь. № IV, 1950 г.
- Н. З.** Экуменическое движение. № II, 1949 г.
- В. Зандер.** Женское церковно-служение. № IV, 1949 г. Русские в Льеже. № III, 1951 г. Женское паломничество к перво-христианским святыням Рима. № VI, 1951 г.
- Л. Зандер.** Религиозное осознание нашего беженства (запись доклада). № II, 1949 г. Экуменическое движение. № XI-XII, 1949 г. Съезд в Уайтстоне. IV-V, 1950 г. Экуменизм как факт и как проблема. № I, 1951 г. Рим (первая встреча). № III, 1951 г. — По стопам ап. Павла. № IV и V, 1951 г. — Англо-русский съезд в Биевре. № VI, 1951 г. Встреча в Марбурге. № VI, 1951 г.
- Прот. **В. Зеньковский.** Все тем же путем (к 25 летию Р.С.Х.Д.). № I, 1949 г. (Париж). О молитве (запись доклада). № II, 1949 г. (Париж). Памяти А. С. Пушкина. № III, 1949 г. (Париж). «Церковь и Мир» (зап. лекц.). № IV. 1949 г. (Мюнхен). Основы православной антропологии (зап. лекц.). № IV, 1949 г. Русское студенческое христианское движение. История, деятельность, задачи. № VII-VIII, IX-X, 1949 г. Церковный национализм № XI-XII, 1949 г. Н. Ф. Федоров № I, II, 1950 г. Проблема зла в мире и пути борьбы с ним (запись доклада). № III, 1951 г. Крест в жизни человека. № IV, 1951 г.
- Ю. Иваск.** Когда же наконец истощится терпение? № III, 1951 г.
- В. Ильин.** Трагедия дружбы и судьба Салиери. № III, 1949 г. (Париж). О Чайковском. № I, 1950 г. Воскресенье Христова, новая тварь и суд миру. № II, 1950 г. П. И. Чайковский № III, 1950 г. С. Л. Франк и его место в русской философии и в русской культуре. № I, 1951 г. Стравинский. № I, 1951 г. Еще по поводу Стравинского. № III, 1951 г. Вечная память как дело Божие и вечное забвение, как орудие князя века сего. № III, 1951 г.
- Епископ Исани.** Запись беседы на съезде православной молодежи в Париже. (Германия, сентябрь 1949 г.) № IX-X, 1949 г.
- Свящ. **А. Князев.** Миссионерская поездка в православные приходы востока Франции. № I, 1949 г. (Париж). Радость Христова Воскресенья. № II, 1949 г. (Париж). Свет Пятидесят-

- ницы. № III, 1950 г. «Русское литургическое творчество». Ф. Г. Спасского. № V, 1951 г.
- В. Куликов.** «Не мир, но мечь». № III, 1950 г.
- Свящ. **Ланг.** Католичество и Православие (беседа с проф. Ф. Степуном) № IX-X, 1949 г.
- Д. И. Лаури.** Интернациональные студенческие организации. № V-VI, 1949 г.
- Н. Мейендорф.** Церковь и Истина. № III, 1950 г. О современном католичестве. № VI, 1950 г.
- Е. Миркович.** Церковь и государство. № VII-VIII и IX-X, 1949 г.
- И. Морозов.** О работе с молодежью в Печорах. № XI-XII, 1949 г. Съезд двух движений № IV-V, 1950 г. О соблазнах зарубежной молодежи № V, 1951 г.
- К. Н. Николаев.** Памяти проф. Е. В. Спекторского № V, 1951 г.
- В. П. Рябушинский.** Что такое икона? № II, 1951 г.
- Свящ. **А. Семенов Тянь-Шанский.** Об Исповеди. № II, 1949 г. Искусство и жизнь. № III, 1949 г. (Париж). Памяти М. М. Осоргина № VI, 1950 г.
- Свящ. **Г. Сериков.** В связи со статьей о Стравинском № II, 1945 г.
- Ф. Спасский.** Памяти о. Сергия Четверикова. № II, 1949 г. (Париж). Болгарская Церковь. № II, 1951 г. Сербская Церковь. № IV, 1951 г.
- Проф. **Ф. А. Степун.** Русская православная Церковь и революция. № I, 1949 г. Памяти Н. А. Бердяева № III, 1949 г. А. С. Пушкин (к 150-летию со дня рождения) № V-VI, 1949 г. Католичество и Православие (беседа с Лангом) № IX-X, 1949 г. Кризис свободы в современности № IV-V, 1950 г.
- Прот. **Г. Флоровский.** Религия и богословское напряжение № III, 1950 г.
- К. Фотиев.** О церковной работе с молодежью из России № VI, 1950 г.
- С. Л. Франк.** Духовное наследие Владимира Соловьева. № IV-V, 1950 г.
- Г. Ходр.** Съезд православной молодежи в Швейцарии. № I, 1949 г. Размышления о судьбах Сирийско-Ливанского Православия № V, 1951 года.
- Проф. **И. П. Четвериков.** Церковь № I и II, 1949 г.
- Свящ. **А. Шмеман.** О Литургии. № XI-XII, 1949 г. Литургия «Собрание в Церковь». № I, 1950 г. Таинство Пасхи. № II, 1950 г. Литургия IV-V, VI, 1950 г. и VI 1951 г.
- С. Щ.** Об одном забытом сорокалетнем юбилее № VII-VIII, 1949 г.

Без указаний автора. Ломоносов и Державин. № III, 1950 г.
О жизни Русской Церкви № I, 1950 г. Памяти С. Л. Франка
№ I, 1951 г. Памяти Г. П. Федотова. № IV, 1951 г. Событие
Ведения во Храм Пресвятой Девы № XI-XII, 1949 г.

II. ПЕРЕПЕЧАТАННЫЕ ТЕКСТЫ

- Св. Иоанн Златоуст.** Праздник Богоявления. № VI, 1951 г.
о. Иоанн Кронштадский. Из дневника. № I, 1949 г.
о. Сергей Булгаков. Образ Пушкина. № III, 1949 г. (Париж). Небо-
Вертеп. № I, 1949 г. Светлый Покров над Миром (из сбор-
ника «Радость церковная»). № IX-X, 1949 г. Смысл и оправ-
дание кружков РСХД. № VI, 1951 г.
К. В. Мочульский. Из книги «Достоевский». № VII-VIII, 1949 г.
преп. Серафим Саровский. О мире душевном. № II, 1949 г.
еп. Феофан Затворник. К началу святого Великого Поста. № III,
1949 г.
свящ. Павел Флоренский. О Вечной памяти. № II, 1949 г. О Пре-
святой Богородице. № III, 1949 г. Жизнь Духа. № IV, 1949 г.
А. С. Хомяков. Стихотворение. № IV, 1949 г.
о. Сергей Четвериков. Воскресения день. № IV, 1949 г. «Христос
Воскресе». № II, 1951 г.

На складе имеются в ограниченном количестве следующие
номера «Вестника», которые можно выписывать по адресу:

Monsieur I. Morosov, 91 rue Olivier de Serres, Paris 15 (France).

№ III, 1949 (Париж), V-VI, VII-VIII, IX-X, XI-XII за 1949 г.
(Мюнхен).

Все номера за 1950 год.

№ III, IV, V за 1951 год.

Цена каждого номера: во Франции 50 фр., за-границей 0,25
доллара.

Распроданы:

№ I, II, 1949 г. (Париж), I, II, III, IV, 1949 г. (Мюнхен),
№ I, II, 1951 г.

Редакцией розыскиваются:

№ I и II за 1949 г. (Париж); № IV за 1949 г. (Мюнхен);
№ I и II за 1951 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1952 ГОД

« В Е С Т Н И К »

Орган православной мысли и церковно-общественной жизни,
издаваемый Русским Студенческим Христианским Движением.

19-ЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

Перед нами стоит задача увеличения числа подписчиков «Вестника»,
поэтому просим читателей и друзей содействовать широкому рас-
пространению нашего журнала среди русских людей и в пер-
вую очередь среди молодежи. Привлекайте к «Вестнику» большее
количество подписчиков. Только этим Вы обеспечите его даль-
нейшее издание.

Лицам, не внесшим подписной платы до 15-го февраля, посылка
«Вестника» будет прекращена.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Во Франции: цена отдельного номера	75 франков
подписная плата на год	450 франков
За границей: цена отдельного номера	0,35 доллар.
подписная плата на год	2 доллара
В Германии: подписная	

Пожертвования

во Франции: Act

в Америке: Rev

San Francisco: Ms

в Германии: Hei

в Марокко: Mp

Подписную пла-
способом, а так же
пон равен 30 фр. ф

От редакции
должны быть на-
сти на пишущей
подвергается изм

Редактор: И. В. Мс

4001325